

**РОЛЬ ЭМОЦИЙ В ПОЗНАНИИ МИРА У ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С РАССТРОЙСТВОМ
АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА**

**THE ROLE OF EMOTIONS IN KNOWLEDGE
OF THE WORLD IN PRESCHOOL CHILDREN WITH
AUTISM SPECTRUM DISORDER**

И. С. Мартынова / I. Martynova

*Тульский государственный педагогический
университет имени Л. Н. Толстого,
Тула, Российская Федерация*

В статье поднимаются вопросы о разработке образовательных методов, направленных на улучшение эмоционального развития детей с аутизмом и последующее развитие их социальных навыков. Исследование, представленное в статье, проводилось в рамках реализации гранта правительства Тульской области в сфере науки и техники (договор № ДС/106 от 27.09.2023 г.).

The article raises questions about the development of educational methods aimed at improving the emotional development of children with autism and the subsequent development of their social skills. The research presented in the article was carried out as part of the implementation of a grant from the government of the Tula region in the field of science and technology (agreement No. DS/106 dated September 27, 2023).

Ключевые слова: дошкольник; дети с расстройством аутистического спектра; эмоциональный интеллект.

Keywords: preschooler; children with autism spectrum disorder; emotional intelligence.

Расстройство аутистического спектра (РАС) представляет собой сложное расстройство нервного развития с ранним началом, проявляющееся в социальных нарушениях и ряде ригидных и повторяющихся действий [1, с. 269]. С тех пор как аутизм был впервые описан в 1943 г., преобладали два представления относительно эмоциональной жизни детей, затронутых этим расстройством: один, в котором доминируют отрицательные эмоции, и другой, в котором эмоциональные проявления приглушены, особенно эмо-

ции положительной валентности. Основываясь на клинических наблюдениях, Тинбергейн утверждал, что аутизм «...характеризуется эмоциональным дисбалансом, при котором страх, тревога или опасение доминируют и подавляют многие формы социального поведения...». Исследования аутизма были сосредоточены в первую очередь на том, как дети с РАС различают и понимают эмоции других, как они сами эмоционально воспринимают свой мир. При этом такие исследования опирались в первую очередь на показатели отчетов родителей и лишь немногие исследования напрямую измеряли интенсивность и валентность эмоций в ответ на стандартизированные процедуры реакции индукции.

Исследования, в которых использовались отчеты родителей о темпераменте ребенка, подтверждают идею о предвзятости негативной эмоциональности, так и о сниженной положительной эмоциональности у детей с РАС. Сообщается, что дети с РАС демонстрируют более высокие уровни НЭ и более низкие уровни положительно валентных эмоций, чем обычно развивающиеся. Исследования, в которых используются прямые измерения эмоциональной валентности и интенсивности при РАС, обычно оценивают выражения эмоций по лицевым, голосовым или скелетно-мышечным каналам с учетом продолжительности, пика интенсивности или частоты конкретных аффективных выражений. В ретроспективных домашних видеороликах было замечено, что младенцы, у которых позднее был диагностирован РАС, в течение первого года жизни улыбались меньше, чем обычно развивающиеся младенцы. В контексте игровых оценок общения дошкольники с РАС не различались по продолжительности улыбки положительных и отрицательных эмоциональных проявлений на лице у контрольной группы [2, с. 30].

Таким образом, современная литература раскрывает довольно ограниченную и противоречивую картину выражения эмоций у детей раннего возраста с РАС. Расхождения между исследованиями, вероятно, вызваны множеством методологических различий. Хотя родительский отчет очень ценен, он более широко затрагивает эмоции, настроение и отношения к широкому спектру ситуаций. Более того, черты характера, измеряемые с помощью шкал родительских отчетов, расходятся с эмоциональными измерениями, измеряемыми с использованием наблюдательных подходов, особенно в области

положительной эмоциональности. Хотя чистые положительные эмоциональные реакции, такие как улыбка и смех, представлены в шкалах темперамента младенцев, измерения малышей отражают более сложные положительные эмоции, такие как нетерпеливое ожидание будущих событий. Несогласованность в исследованиях с использованием методов прямого наблюдения может быть связана с различиями в методах индукции, интенсивностью и валентностью эмоциональных триггеров, их типом (социальный/несоциальный), методами измерения, возрастом участников.

Кроме того, имеются данные о том, что дети с РАС не обязательно могут отличаться по выраженной интенсивности эмоций; скорее, они могут проявлять эмоции, которые не соответствуют значимости реальных событий. Улучшение нашего понимания детей с РАС позволит расширить знания об их мотивационных состояниях и помочь прояснить связи между эмоциональным и социальным развитием при аутизме. Эти знания будут способствовать пониманию гетерогенности проявлений синдрома, а также дадут информацию о подходах к коррекции [1, с. 270].

Настоящее исследование направлено на устранение некоторых пробелов в знаниях об эмоциональных реакциях у детей ясельного возраста с РАС. С этой целью мы исследовали их эмоциональные реакции на сценарии реального мира, уделив особое внимание их интенсивности, валентности (радость, гнев, страх) и конгруэнтности. Чтобы избежать смешанного воздействия социальной и аффективной уязвимости на эмоции при РАС, мы стремились ограничить нагрузку социального взаимодействия при выполнении заданий.

Хотя на сегодняшний день исследования в основном сосредоточены на более широкой конструкции негативной эмоциональности путем объединения страха, гнева и других реакций, учитывая, что страх связан с отстранением, а гнев связан с поведением приближения (например, удары, толкание), мы рассматривали их отдельно. Страх у маленьких детей возникает в ответ на стимулы, которые передают угрозу или неуверенность, что приводит к самозащите, а повышенные реакции страха в младенчестве предсказывают позднее поведенческое торможение и тревогу. Для сравнения, гнев отражает склонность ребенка выражать негативные эмоции в ответ на ограничения или блокировку целей и выполняет функцию восстановления целей.

В заключении, мы не обнаружили никаких доказательств, предвзятости в отношении негативной эмоциональности, притупленного положительного аффекта или несоответствующих негативных эмоциональных выражений у малышей с РАС. Широкий параметр склонности к стрессу (например, «негативная аффективность») менее полезен для выявления эмоциональных фенотипов детей ясельного возраста с РАС по сравнению с более детальными фокальными измерениями боязливости и склонности к гневу. Открытие того, что малыши с РАС демонстрируют приглушенную реакцию на новые, навязчивые стимулы, важно, поскольку оно предполагает нетипичную оценку угрожающих элементов в окружающей среде и обеспечивает мотивацию для изучения лежащих в ее основе когнитивных, физиологических механизмов и механизмов развития нервной системы. Представление о том, что для маленьких детей с РАС характерен либо приглушенный аффект, либо аффект, отмеченный высокой степенью негативности, может привести к снижению уровня выявления среди детей, которые кажутся более аффективно вовлеченными, особенно в отношении деятельности, направленной на выявление положительных эмоций. Наша работа по эмоциональному выражению добавляет столь необходимый аспект к нашим знаниям об обработке эмоций у маленьких детей с РАС и может иметь важное значение для выявления предвестников более поздних коморбидных аффективных проблем, столь распространенных у детей и подростков с РАС.

Список используемых источников

1. Карпушкина, Н. В. К проблеме эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста с расстройством аутистического спектра в исследованиях специальной психологии / Н. В. Карпушкина, О. А. Рожнова, Э. Д. Шустова // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №69-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-emotsionalnogo-intellekta-u-detey-starshego-doshkolnogo-vozrasta-s-rasstroystvom-autisticheskogo-spektra-v> (дата обращения: 23.10.2023).
2. Люсин, Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д. В. Люсин // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 29–36.